

Бахаудин Меслауров

За два часа до старта

Воспоминания

Бахаудин Меслауров
За два часа до старта.
Воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69018463

ISBN 9785449017475

Аннотация

Воспоминания о жизни. Учёба в Куйбышевском авиационном институте. Работа на Смоленском авиационном заводе. Зарисовки о страницах о жизни.

Содержание

Индия	6
Наполеон	8
Самолет	13
Джоконда	18
Превратности судьбы	22
Банда	27
Честь фирмы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

За два часа до старта Воспоминания

Бахаудин Меслауров

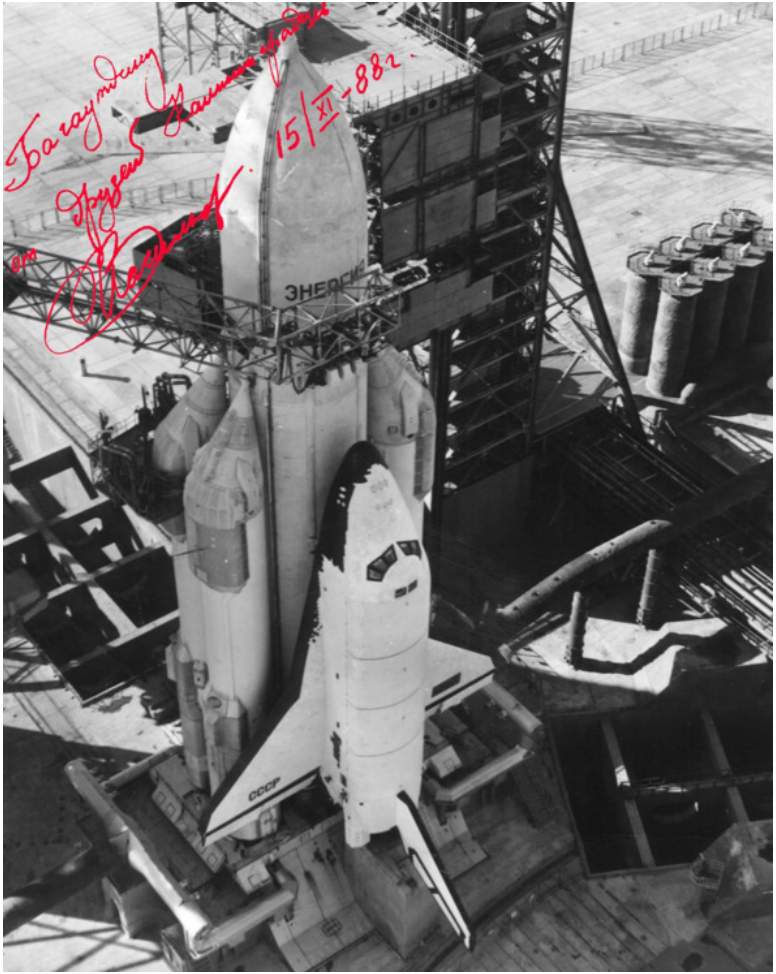
Благодарности:

Рафаи Николаевич Минаев

© Бахаудин Меслауров, 2023

ISBN 978-5-4490-1747-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Барышников
Трусов

15/XI-882

ЭНЕРГИЯ

СССР

Индия

Давно это было... Мне было лет 11—12. Поводился я ходить к дяде, путешествовать по радиоэфиру – в то время радиоприемники были относительной редкостью, а у него была первоклассная радиола. Было это в середине лета, примерно как сейчас. Слушая зарубежные радиостанции на средних и коротких волнах, я как бы с высоты птичьего полета проносился над миром.

Однажды я поймал радиостанцию, которая транслировала индийскую народную музыку и забыл обо всем на свете... Каждый день, в одно и то же время, я настраивался на эту радиостанцию и часами – нет днями просиживал, слушая чарующие звуки волшебной мелодии. Она меня околдовала, завладела всем моим существом. Было такое ощущение, что эти звуки обволакивают меня со всех сторон, поднимают и несут над миром. Я как бы воочию видел густые заросли индийских джунглей, видел слонов и полных грозной красоты бенгальских тигров. Незаметно красота дикой природы сменялась красотой животворной – прекрасные замки и волшебные статуи; красивые индианки с родинками на лбу (третий глаз Будды) – весь волшебный мир Индии расстился передо мной. И не хотелось покидать этот мир, хотелось, чтобы эти звуки были всегда...

Лишь десятилетия спустя, я узнал, что нотное поле в ин-

дийской музыке в пять раз шире, чем европейское и состоит из тридцати пяти нот, что в Индии существуют музыкальные произведения, которые исполняются в определенное время года, в определенное время суток...

Наполеон

Начало семидесятых годов. Все чаще на рекламных столбах стали появляться объявления о гастролях заезжих гипнотизеров. В тот год я учился на втором курсе Воронежского политехнического института и жил в студенческом общежитии вместе с четверокурсниками. Известный врач-психолог Леви, как писалось в рекламных плакатах, готовился выступить у нас в институте с циклом лекций. Билеты раскупались заранее. Я остался безучастным к этому событию и лишь в первый вечер его выступления надумал вдруг посмотреть, что же это за сеансы гипноза. Когда я собрался выходить, товарищи по комнате предложили мне взять с подоконника билет, который случайно остался невостребованным. Подойдя к актовому залу в институте, я понял, что без билета мне бы сюда не пройти, скопление желающих было очень велико. Все места и проходы были забиты битком и я, помнится, устроился в проходе на стуле, добытом в одной из ближайших аудиторий.

Представление началось. Худощавый, с пронзительным взглядом мужчина рассказал нам во вступительном слове об основах психологии, а затем предложил желающим поучаствовать в экспериментах подняться на сцену. Толпа молодежи устремилась наверх. Я оказался в числе тех человек двадцати, которых он пропустил на сцену. При этом я сам

был удивлен тем, что оказался в этой компании... Гипнотизирование началось с каких-то заклинаний, счета чисел. Многих тут же изгоняли со сцены, как неподдающихся внушению. Помню, что я очень старался «загипнотизироваться». Сперва нам объявили, что мы молодые побеги на веточках деревьев. Ну что ж, побеги, так побеги, и мы стали старательно тянуть руки-побеги вверх к солнцу. Потом нас объявили пассажирами трамвая и мы дружно запрыгали на воображаемых сиденьях, имитируя трамвайную тряску. Постепенно я стал выделяться из общей массы подопытных, по началу на меня обратил внимание сам гипнотизер, а потом и весь зал.

Нам, несколькими членам объявили, что мы члены студсовета и решаем судьбу одного студента. Влюбившись, он каждый день ходит на свидание со своей девушкой, задерживается с ней допоздна и приходит в общежитие, когда оно уже закрыто, т.е. грубо нарушает правила социалистического студенческого общежития. И на повестке заседания студсовета стоит вопрос, выселять его за систематическое нарушение или нет. Ассистент гипнотизера стал подходить к каждому «члену студсовета» и спрашивать его мнение. Все приговоры, естественно, были оправдательными. Мол, дело такое, молодое, со всяким может случиться и пр. Лишь когда очередь дошла до меня, я выдал по всей программе. Во-первых, гуляние допоздна и любовь это не одно и то же. Во-вторых, очень много студентов не могут получить общежи-

тие и вынуждены снимать квартиры. И я думаю, что среди них найдутся более достойные права проживания в общежитии. Я за его выселение. По залу, как мне потом рассказывали, прокатилась глухая волна недовольства. Да-а... в студенте второго курса еще крепко сидел дух кадрового сержанта, еще свежи были в памяти стройные ряды вымуштрованных курсантов школы сержантского состава и мерный ритм строевого шага. Я на глазах превращался в восходящую звезду гипнотических опытов.

Следующим номером ко мне подвели двух девушек и внушили, что одна из них моя дочь, а вторая моя жена. Рассмотрев последнюю, я внутренне с удовольствием согласился. Парню напротив таким же образом представили сына и жену. Мы присутствуем на судебном процессе, моя дочь разводится со своим мужем. И пошло-поехало... Мой зять обвиняет мою дочь, что она ему не стирала рубашки, не штопала носки. Дочь же, в свою очередь, обвиняет его в том, что он не водил ее в театры, не дарил ей цветов и т. д. и т. п. Моя жена норовила встрять в эту семейную склоку, родители мужа тоже не оставались в стороне..

Лишь я молчал. Когда судья обратился ко мне с вопросом, как я относился к замужеству своей дочери, я ответил, что в принципе был не против, но предостерегал их от поспешности, они слишком мало были знакомы.

Было еще несколько моментов в моей стремительной карьере того вечера, которые уже стерлись из памяти. И вот

апофеоз, момент, в который в полной мере раскрылись все силы, спрятанные под личиной простого советского студента. Мне объявили, что я... Наполеон, и что только что завершилась Бородинская битва...

В те годы я занимался спортом – вольной борьбой и правая рука у меня была травмирована на одной из тренировок. Обычно я держал ее полусогнутой в локте. Как только до меня дошло, кто я на самом деле – тут же согнул руку еще больше и сунул за борт пиджака, принимая наполеоновскую стойку. Ко мне подошел генерал (не помню который) и стал докладывать, что битва завершена, и мы не то чтобы ее выиграли. В ответ я обрушил всю мощь своего гнева на докладчика и окружавших меня генералов. Я кричал, что это они виноваты в подобном исходе битвы, что мои гвардейцы не могли допустить такого, что только бездарность генералов спасла русских от полного поражения. Я грозился расстрелять виновных и назначить им место солдат, отличившихся в бою, и т. д. В общем, аудитория неожиданно для себя оказалась свидетелем великого гнева великого человека.

Продолжать вечер дальше не было смысла, нас стали долго и мучительно разгипнотизировывать. Когда, с мутной головой, словно мозги у меня были разбавлены киселем, я спустился со сцены, меня тут же обступила плотная толпа знакомых и просто желающих пообщаться со знаменитостью. Мне наперебой стали рассказывать обо всех моих подвигах, перемежая их вопросами:

а это помнишь, а вот это ...? Краем глаз я заметил волнение в окружающем меня кольце. Наконец, решительно пробивая себе дорогу хрупкими локотками, ко мне пробилась невысокая, симпатичная девчушка, с решительным выражением на лице. Посмотрев на меня с низу вверх, она с петушиным задором бросила мне в лицо: «Ну и не хороший же Вы человек!». Я как то автоматически отнес это к своему участию в «студсовете». Судя по всему, этот эпизод задевал ее за живое. По пути домой, в общежитие, я чувствовал себя наисквернейше. Было такое ощущение, словно... как это выразить ..., ну, словно (повторюсь) мозги киселем разбавили. Смех и шутки окружающих товарищей, делящихся впечатлениями от вечера, меня совершенно не трогали. Когда меня представили сестре одного из наших сокурсников, вот, мол, «Наполеон», в ответ на явно заинтересованный взгляд умной, красивой девушки я ответил таким угрюмым выражением лица, что весь ее интерес как ветром сдуло. Позже я не раз с сожалением вспоминал этот эпизод. После этого вечера я стал знаменит на весь институт. Вплоть до моего ухода из института по окончании второго курса, то и дело слышал за спиной: «Вон-вон, Наполеон пошел...»

Самолет

Давно это было. Еще в те годы, когда я был очень молод и, не удивляйтесь, но было и такое, еще более симпатичен. Нас было несколько человек на курсе, которых собрал как-то преподаватель по теоретической механике и предложил, если мы хотим достичь чего-нибудь серьезного по выбранной специальности, бегите, мол, отсюда подальше в базовые институты. И мы разбежались. Я занялся переводом в Харьковский авиац. институт. В аэропорту Воронежа ко мне подошел один парень и попросил о помощи. Он работал моряком в торговом флоте на Дальнем Востоке, направляясь в отпуск в Харьков, перевел по почте свои деньги домой, а те, что оставил при себе кончились. Он просил у меня 5 руб., с тем, чтобы по прилету в Харьков вернуть. Я одолжил. По пути познакомились, стали почти друзьями. В Харькове, по прилету, он нанял такси, и мы отправились к нему домой. Приехали в один из микрорайонов, встретили нас очень бурно (оказывается он долго отсутствовал). Я очень хорошо провел время в радушной, доброжелательной обстановке и с хорошим настроением отправился по своим делам. Походив по начальству в институте, я понял, что за сегодня не управлюсь и решил переночевать у своего новоявленного друга, благо они настойчиво меня приглашали. Сел на нужный автобус (на котором приехал оттуда), доехал до знакомой остановки, по-

шел по знакомой улице (ведь это было буквально сегодня утром), подхожу к знакомому дому, напротив вижу пейзаж, который я запомнил, глядя из их окна... Что такое, дом то стоит ко мне обратной стороной?! Та-ак, спокойно, без паники. Поворачиваюсь обратно, словно только что вышел, иду назад. Все правильно, вот из этого дома я вышел, вот по этой улице пошел к автобусной остановке, вот остановка, здесь я сел вон на тот автобус. Еще раз, без паники. Поворачиваюсь, словно я только что приехал. Вот я как бы сошел с автобуса, пошел по улице (вон знакомые ориентиры), вот дом, из которого я выходил, а вон пейзаж, которым я любовался из окон дома. И опять я подхожу к нему с тыльной стороны... Обхожу его кругом – совсем не тот подъезд, и нумерация квартир другая... Поверишь ли, я раза четыре или пять проделывал этот маршрут туда и обратно, и так и не нашел квартиру, которую преотлично, как мне казалось, запомнил. Что ж, видно не судьба, и я, офонаревший, отправился в аэропорт, чтобы вернуться в Воронеж. Здесь выяснилось, что на сегодня уже все самолеты улетели, и до завтрашнего утра рассчитывать не на что. Но вдруг, слоняясь неприкаянным по зданию аэропорта, я услышал, что объявляют какой-то внеочередной рейс на Воронеж. Обрадованные, мы кинулись к кассам и вот, мы уже в самолете. Всего нас набралось человек 12 и салон самолета Ан-24 практически пустой, если не считать каких-то ящиков, уставленных по проходу. На этом основании я пришел к выводу, что самолет, наверное, везет ка-

кай-то спецгруз, а нас взяли по пути. Было около полуночи, когда экипаж стал раскручивать двигатели. Сперва, как это принято на самолетах данного типа, начали крутить левый двигатель. Крутили его, крутили, а потом почему-то, оставив его, раскрутили правый, и лишь потом опять левый. Я в глубине души удивился такой последовательности запуска моторов, но не придавал этому значения, и мы пошли на взлет. Прошло минуты полторы полета, самолет еще шел с набором высоты, как вдруг тот самый мотор, который не запустился сразу, начал громко «чихать», самолет накренился на левое крыло, и пошел вниз. Раздался характерный вой падающего самолета.

Так в фильмах про войну, подбитый самолет стремительно падает вниз, оставляя за собой густой, черный шлейф дыма. Ровный гул моторов резко переходит во все более усиливающийся вой, словно он из последних сил пытается выйти из крутого пике, и только раскатистый грохот да облако взрыва ставят точку в этой борьбе творения рук человека и законов тяготения.

Я так растерялся, что даже не успел испугаться. Единственная мысль, которая во мне забурлила: «Вот ч-черт, если откажет и второй двигатель он же топором к земле пойдет!» Можно было подумать, что самолет падает не достаточно стремительно... Это продолжалось секунд двадцать, после чего двигатель вошел в режим, мы вышли-таки из крутого пикирования и продолжили полет. Но спокойствия уже

не было. Весь полет я с неослабным вниманием прислушивался к мерному гулу двигателей, ловя каждый подозрительный звук. Было уже далеко за полночь, когда мы стали подлетать к Воронежу. В отблеске огней угадывалась река Дон, вот она все шире и шире, плавно переходя в «Воронежское море» в центре города, залитого не щедрыми огнями полуночного города. Самолет пошел на посадку: легкий толчок вперед обозначил, что выпущены закрылки, пора выпускать шасси. Тут черт дернул меня мысленно пошутить: «Вот бы сейчас шасси не выпустилось» и в тот же миг под правым крылом раздалось та-та-та-та, как из автомата, и солон самолета заходил со стороны в сторону. Это не вышла правая стойка шасси и по этому нарушилась аэродинамика самолета. Натужно загудели двигатели, и, шедший на снижение самолет, вдавив нас в кресла, пошел вверх. Заложив правый разворот, пошли на посадку второй раз. Здесь уже страха не было, посадить самолет с невыпущенным шасси, для квалифицированных пилотов дело не хитрое, к тому же на воду. Единственно, не хотелось мокнуть в два часа ночи. Самолет опять пошел вниз, опять раздалась автоматная трель натужный рев двигателей, пошли вверх... И так три или четыре раза. Наконец стойка шасси выпустилась, мы благополучно сели. На завтра мне надо было с утра лететь обратно, а самолеты были только после обеда. Поэтому я подошел к справочной аэропорта и стал выяснять, не ожидается ли завтра какой-нибудь внеочередной рейс на Харьков. На удивленный

контрвопрос девушки: «А почему он должен быть?» я ответил, мол, как же, вот прилетели же оттуда, на внеочередном... На это девушка с поразившей меня беспечностью ответила: «А-а, этот? Да он сломанный, и пока еще тепленький его наши пилоты перегоняли домой» ...!?

Я понял, что за спецгруз в деревянных ящиках стоял по проходу самолета: это для балансировки в него загрузили всякое барахло, а поскольку барахла не хватило, прихватили и нас...

Никогда не летайте самолетами Аэрофлота... вне рейсовыми.

Джоконда

Это было в 1974 году. В то лето я работал в «стройотряде», на Вологодчине и одновременно занимался переводом, а точнее восстановлением в какой-нибудь авиационный институт. После непродолжительной переписки, мой выбор остановился на КуАИ и, получив очередную зарплату, я отправился в Куйбышев (ныне Самара). Рано утром поезд прибыл в Москву, до отбытия в Самару у меня был весь день и вечер, и я отправился в бесцельное пешее путешествие по городу. В молодости я часто так поступал в незнакомых городах. Часам к десяти я набрел на большую очередь, у которой не было видно ни начала, ни конца. Когда я, подойдя к группе молодых людей, стал интересоваться, что мол, дают, те стали откровенно надо мной насмехаться. Я был после поезда, в костюме не первой цивилизности, последних новостей не знал, поэтому счел их насмешки естественными, и не придавая им большого значения, обратился к милиционеру, издали охранявшему массовое скопление людей. Оказалось, что вся эта масса людей выстроилась в пушкинский музей, где выставлена картина Леонардо да Винчи «Джоконда», привезенная для этого из Лувра. Позабыв обо всем на свете, я кинулся искать хвост очереди. Через пол часа, запыхавшись, я пристроился в конец очереди и стал ждать дальнейшее развитие событий. Отдышался, стал приглядыва-

ваться к соседям. Здесь были люди, со всех концов тогда еще необъятного Советского Союза, приехавшие специально на эту выставку. Некоторые утверждали, что стоят уже несколько дней. Запомнились старушечки из Ленинграда. От них так и несло манерами (так и хочется сказать – как нафталином от старых вещей, но это бы было и неуместно, и грубо), чувствовалась дворянская кровь, пусть и слегка разбавленная суровой действительностью советских коммуналок. Вот две девушки, студентки из (кажется) Киева. Одна из них, полненькая, уж больно подчеркнуто фыркала на любые мои высказывания, всем своим видом высказывая крайнее пренебрежение. В ответ я стал играть этакого простачка из провинции. Особенно ее достали мои мечты вслух о том, как бы оказаться юбилейным посетителем. На вопрос, зачем? Я отвечал: «Как же, сфотографируют, поместят в газете. Может быть, сувенир какой перепадет...». Это так диссонировало с чувством сопричастности к высокому, которое они испытывали от одного стояния в очереди к мировому шедевру, что я был буквально облит с головы до ног взглядом, который пытался выразить величайшее презрение, которое она испытывает к такому убожеству желаний. Возвращаясь позже к этому эпизоду, я пришел к выводу, что это, наверное, был способ самоутверждения, как бы она иначе обратила на себя внимание, кто бы на нее такую посмотрел... Проводя время таким образом, мы простояли часа четыре, когда на горизонте появилась входная дверь музея. И вот

мы входим в затемненное помещение. Впереди, за пуленепробиваемым стеклом, очень слабо подсвеченная (как мне показалось), на нас изливает свой многовековой взгляд бессмертная Джоконда. Я жадно вглядываюсь в нее. Раздражает то, что из-за слабой подсветки приходится напрягать глаза. Я смотрю на нее все время, пока мы безостановочно идем к картине, смотрю неотрывно, двигаясь вдоль нее. Когда мы повернулись к выходу, опять же безостановочно, я стал пятиться назад, не отрывая от нее глаз. Потом, неожиданно для себя, сделал шаг в сторону и остался стоять в стороне от проходящей цепочки посетителей, продолжая вглядываться в черты ее лица, словно пытаюсь насмотреться на всю оставшуюся жизнь.

Чувствовалось, как от напряжения на глаза навертываются слезы. И вдруг... О чудо! Губы у Джоконды подернулись в улыбке. Нет, она не улыбалась, то был какой-то неуловимый находилась здесь в командировке, по завершении которой занимался личными делами, и вот, вчера вечером не занимала не более 45 секунд. Уже гораздо позже, возвращаясь к поразившему меня эпизоду, я пришел к выводу, что всему виной слезы, которые наворачиваются на глаза при долгом рассматривании картины. Да, несомненно, рука гениального мастера, сумевшего поймать этот миг. Так что, с тех пор для меня не существует загадки улыбки Джоконды, я ее разгадал: «Не существует улыбки, ее нет в природе, как таковой. Есть момент, предшествующий ей, есть дрожь губ, которые

вот-вот начнут, нет, уже начинают улыбаться.»

Я дарю Вам эту разгадку, уважаемый читатель...

Превратности судьбы

С просветленной душой, став чище и возвышенной от приобщения к мировому шедевру, я прибыл в Самару и занялся восстановлением на третий курс Авиационного института, ныне Аэрокосмического университета. Отнеслись ко мне доброжелательно, с пониманием, я уладил все необходимые вопросы, за исключением одной маленькой детали: надо было съездить в Воронеж и привезти характеристику с прежнего места учебы. В Воронеже, декан факультета послал меня к секретарю нашей комсомольской организации, который работал недалеко в стройотряде. Тот же предложил мне написать ее самому. Я сел и написал, стараясь не перечислять всех своих достоинств и заслуг, дабы не сглазили. В институте, ознакомившись с моей характеристикой, перед тем, как ее заверить, декан с удивлением спросил: «Что они тебе, некролог, что ли писали?». Уже здесь, в Воронеже я понял, что, из-за этой, не запланированной поездки, мне не хватит денег на обратную дорогу. Отлучившись домой телеграммой, чтобы выслали деньги в Куйбышев на почтамт до востребования, я занял десять рублей у своего соседа по гостинице, записав сразу и адрес, чтобы вернуть долг, и отправился в обратный путь. В Куйбышеве я, первым делом, поселился на седьмом этаже гостиницы «Волга» и пошел на почтамт получать деньги. Покопавшись в кар-

тотеке, девушка сказала, что на мое имя ничего у них нет.. Ну что ж, значит еще не пришли. На следующий день я завершил все формальности по восстановлению в институт, на третий курс. Знакомясь на досуге с настенной информацией у деканата, я обратил внимание, что группы авиационного факультета разбиты на две подгруппы, С1 и С2. Я был расписан в С2. Когда я поинтересовался в деканате, мне объяснили, что С1 это самолетчики, а С2 – ракетчики. Это меня оскорбило, что такое ракета? Сплошная «канализация», труба, начиненная системой питания двигателя топливом – вот и все хитрости... На военной кафедре в Воронеже мы подробно знакомимся с конструкцией наших боевых ракет, поэтому я хорошо представлял себе их строение.

То ли дело – самолет, здесь есть где развернуться творческой мысли. И, не взирая на уговоры, что в этих группах собраны относительно лучшие студенты, я настоял, чтобы меня записали к самолетчикам. Как показали последующие события, я не прогадал. На второй или третий день бесплодных посещений центрального почтамта я понял, что дело затягивается. Выселившись из гостиницы с видом на великолепную Волгу, я перешел ночевать на железнодорожный вокзал; с трехразового питания перешел на двухразовое. Когда стало совсем не в моготу, приглядев в вокзальной суете человека поприличнее, я обратился к нему за помощью. Обрисовав ему свое положение, предъявив документы, я занял у него некоторую сумму денег, заодно взял и его домашний адрес.

Потом я перешел на одноразовое питание, а денег на мое имя все не было. Вокзальные милиционеры уже несколько раз проверяли мои документы. Кажется, я еще раз занимал у кого-то деньги по отработанной методике. Наконец я понял, что надо убираться отсюда, пока не поздно..

Подойдя к поезду до Москвы, и пройдясь вдоль вагонов, я выбрал проводниц подороже и обратился к ним с просьбой взять меня без билета, с тем, чтобы я потом мог переслать им деньги из стройотряда. Меня взяли. Проводницами оказались молодые девушки, студентки Московского института железнодорожного транспорта, подрабатывающие себе на жизнь во время летних каникул.. Они очень боялись, что меня обнаружат, и запрятали к себе в купе, на верхней полке за бельем, категорически наказав не высовываться. И вот, еду я, мучимый голодом и беспокойством, как бы не подвести девочек и стесняюсь даже чаю у них попросить. Поближе к столице, когда бдительность эшелонных стражей порядка пошла на убыль, меня пригласили на свет божий и предложили расплатиться. Растерявшись, я спросил, как же так, я же объяснял, что у меня сейчас нет денег, я вышлю Вам попозже, из стройотряда. И порывшись в карманах, я вынул всю свою наличность, в руке у меня было целых пятьдесят семь копеек... У одной из них чуть истерика не случилась: как же, мол, вышлите, так мы Вам и поверим. Бедняжки, они оказывается не до конца меня поняли в самом начале.. Вторая девушка, гораздо симпатичная на вид, отнеслась к моим

словам спокойно и написала мне адрес своего общежития.

Вообще я позже часто задумывался над вопросом, почему, если мне встречаются две девушки-подружки, одна из них бывает красивой, а другая почти безобразной. И, как правило, красивая отличается приятным характером, дружелюбием, а некрасивая – во всем ей полностью противоположна? Наверное, чувство собственной привлекательности, гармония духа и внешности делают симпатичную привлекательной во всех отношениях, несимпатичную же – наоборот.

Проведя девятнадцать часов в пути, голодный как черт, прибыв в Москву, я долго колесил на трамвае по городу, в поисках столовой или кафе понепритязательней. Наконец, перекусив на пятьдесят шесть копеек, сытый, довольный, я пошел по Москве... с одной копейкой в кармане.

Какая-то странная отрешенность от окружающего мира.

Никаких желаний и соблазнов. Я сыт и одет. Кругом сухо, тепло и светло. Ничто мне не угрожает. У меня есть все, что необходимо. А то, чего нет, мне и не надо... Судя по трудам древних философов, я находился в том состоянии, которого они пытались добиться всей своей праведной жизнью. Контраст между моим нынешним и предыдущим пребыванием в Москве был поразительный. На, кажется, Финском вокзале я подошел к бригадиру состава одного из северных поездов и объяснил ему свое положение. Посмотрев мои документы, он от своего имени послал меня в общий вагон, чтобы я смог без билета доехать до Вологды. Уже в пути по проходу пошла

девочка лет десяти, прося о помощи. Ее маму обворовали и у них не осталось денег. Когда она поравнялась со мной, я протянул ей единственную копейку, которая у меня оставалась, с таким чувством, словно давал ей десять рублей...

Ранним утром мы были в Вологде. Было около семи часов утра, когда я добрался до своих товарищей. Когда я вошел, они как раз садились завтракать. Подавали суп молочный с рисом...

Деньги мне потом из Куйбышева, конечно, переслали. Оказывается, они давно были там. Просто имя, которое было указано в карточке до востребования и в моем паспорте разлились на одну букву... А те деньги, которые я позанимал по пути, конечно вернул, всего их набралось три или четыре адреса.

Уже много лет спустя, когда я рассказывал об этом случае своим родственникам, один из них, кадровый рецидивист, помявшись, не выдержал и спросил, неужели мне не пришло в голову украсть?

Я очень удивился такому образу мыслей.

Банда

Однажды осенью, проходя через парк, я почувствовал, что группа мужчин, находящихся далеко впереди меня, у скамейки на тротуаре, обратили на меня внимание. Я был в куртке, без головного убора, с коротко стриженной головой, довольно спортивный из себя. Когда я поравнялся с ними, меня окликнули из толпы:

– Молодой человек!

– Да, в чем дело?

– Скажите, Вы работаете в милиции?

– Нет.

– Вы работник прокуратуры, или других правоохранительных органов?

– Нет.

– Ну, Вы, хотя бы, дружинник?

– Да нет же, черт побери, в чем дело?

– Да нет, ничего, просто мы поспорили, я утверждал, что вы сотрудник правоохранительных органов...

Удивленно передернув плечами, я направился дальше, не подозревая, что этот эпизод отложится в моей памяти.

Много месяцев спустя, я стал свидетелем того, как двое подвыпивших мужчин, всю крою матам весь белый свет, шатающейся походкой шествовали по тротуару. Прохожие шарахались от них как от зачумленных. Когда они поравня-

лись со мной, я не выдержал. Решительно подойдя к буянам, сдвинул их за плечи друг к другу и строго приказал немедленно прекратить безобразия. Было такое впечатление, что они разом протрезвели (или они притворялись пьяными?). С серьезными лицами пообещав мне, что все «будет путем», они молча пошли дальше.

Сработало. Значит тот мужик в парке не зря принял меня за сотрудника, значит во мне есть что-то такое, от людей, которые «не даром едят свой хлеб». Кажется еще раза два я прибежал к этой уловке, и каждый раз меня принимали за человека, которого надо слушаться, несмотря на гражданскую форму одежды. Служба в армии, в школе сержантов, умение заставить выполнять свои требования, это было в не далеком еще прошлом, плюс слегка спортивная внешность – наверное сбивали с толку дебоширов. Да и какой нормальный человек с улицы будет приставать к хулиганам с кукишем в кармане, если он не сотрудник милиции или еще чего-нибудь? Короче, я стал входить в роль, эта игра мне уже почти начала нравиться.

И вот зима. Вечер. Я на троллейбусе возвращаюсь откуда-то домой, в общежитие. В салоне почти заняты сидячие места, да стоят человек пять-шесть. На одной из остановок в троллейбус ввалила толпа мужиков, человек пять и тут же в атмосфере запахло горелым. Оживленная речь их была разбавлена такими крепкими выражениями, что стало ясно, этим словам на улице не учатся, за ними надо ехать в ме-

ста не столь отдаленные. Один мужчина средних лет, приятной, интеллигентной внешности сделал им замечание, чем привлек к себе внимание, не сулящее ничего хорошего. Было такое чувство, словно это свора собак набросилась на жука. Словесная перепалка вот-вот готова была перерасти в драку. Женщина, сопровождавшая мужчину, пыталась вытолкать его на очередной остановке, но он решительно отказался, скорее из чувства гордости, как мне показалось. Надо было что-то делать. Привычным жестом «набросив» на лицо маску суровой официальности, я стал продвигаться в сторону разрастающегося скандала, хорошо поставленным «сержантским» голосом предупреждая свое появление. Войдя в самую гущу ссорящихся, я стал «качать права». Хулиганы оробели и потихоньку стали утихать. И тут пожилой человек, который сидел в сторонке и, как мне казалось, не имел к ним отношения, «поехал» на меня, а вам, мол, что надо, Вы кто такой? Я автоматически опустил на него свой строгий взгляд и спросил, «Как, и Вы тоже с ними?». Глаза наши встретились и в тот же миг я пожалел, что встрял в эту историю. На меня смотрели глаза матерого волчищи. Этому человеку было лет за сорок (против меня, двадцатипятилетнего). В том, как он спросил, как сидел, да и во всем его облике чувствовалась крепкая лагерная закалка, какая-то незнакомая мне внутренняя сила. Он не просто смотрел мне в глаза, он высматривал, по глазам пытался узнать, кто я. Я чувствовал, что он высматривает: чувство неуверенности, растерян-

ности, может и страха...

Как-то так вышло, что я в детстве считал неприличным, смотреть человеку в глаза. И в армии, когда меня оставили в сержантской школе командиром отделения, у меня стали возникать из-за этого проблемы, суть которых до меня дошла не сразу. Только когда один из курсантов, в очередной конфликтной ситуации бросил мне в лицо: «А почему Вы, товарищ сержант, в глаза не смотрите, если считаете себя правым?», я понял чего мне не достает, и стал работать над собой. В умении смотреть в глаза я достиг таких успехов, что мог, не говоря провинившемуся ни слова, строго посмотреть на него и этого бывало достаточно. Это конечно смешно, но мне казалось, что при желании я могу своим взглядом и в землю вогнать, сквозь казарменный пол, ежели что не так.

И вот этот поединок. Я стою над ним и вкладываю в свой взгляд все силы, которые у меня есть. Если бы передо мной стоял бедный курсантик из учебки, наверняка бы уже давно по голову в землю ушел. А этот смотрит на меня с низу испытующим взглядом, и я бы не сказал, что ему страшно. Наконец, через несколько секунд, показавшихся мне вечностью, он примирительно сказал, ну ладно начальник, все будет в порядке и что-то там такое на жаргоне кинул своим спутникам. Смысла сказанного я не понял, но они сразу приосмирились. Приговаривая что-то типа «смотрите мне, чтобы ..., а то я вас...» я прошел на свое место и тут только почув-

ствовал, что у меня трясутся коленки. До меня дошло, что если бы этот тип понял, что я блефую, не унести бы мне своих ног. С тех пор я больше не прибегал к подобным опытам, что-то желание пропало.

Честь фирмы

Так получилось, что по состоянию здоровья я задолжал по некоторым предметам и, подчищая эти «хвосты», на преддипломную практику на Смоленский авиационный завод приехал с большим опозданием. Я был встревожен этим обстоятельством и, боясь не уложиться в сроки, вплотную занялся сбором материалов для своего диплома. Мои товарищи по институту, приехавшие гораздо раньше меня, уже хорошо ориентировались на территории завода, раскинувшего на многие сотни гектаров. Непосредственным руководителем моей практики был заместитель начальника цеха №1 по подготовке производства, который и оказывал мне всю необходимую методическую и иную помощь. В один из дней, составив с его помощью схему действий, я отправился знакомиться со структурными подразделениями завода. Для меня нормой было зайти в очередной отдел, и обратиться к начальнику с просьбой, ознакомить меня с работой его подразделения. Причем получалось так, словно этим я оказываю им большую услугу, если не сказать честь. Здесь сказывалась и раскованность студента старшего курса и армейское прошлое. В одном из отделов, кажется отделе по разработке программ для станков с ЧПУ (числовым программным управлением), я просидел минут десять, ожидая, когда освободится начальник. Тот время от времени

украдкой бросал виноватый взгляд в мою сторону, чувствуя неловкость от того, что производственные вопросы заставляют его задерживать незнакомого молодого человека. Наконец он освободился и я, кажется, не представившись толком, начал задавать ему вопросы, касающиеся работы отдела. Запахло НКВДшной атмосферой 37-го года. Мой собеседник стал осторожно отвечать, оробев окончательно. Наконец, собрав всю свою решительность в кулак, он неуверенно попросил меня представиться, с кем же он, в конце концов, дело то имеет. Я объяснил, что являюсь студентом-дипломником, проходящем практику в первом цехе и сейчас занят тем, что знакомлюсь со всеми службами завода. Это надо было видеть, с каким облегчением он меня послал к своему заму. Уже гораздо позже, отработав несколько лет и узнав друг друга поближе, мы с начальником отдела дружно смеялись каждый раз, вспоминая этот эпизод, особенно над его желанием, послать меня в тот момент еще дальше.

Наконец я дошел до СКО (серийный конструкторский отдел) завода. Это была большая организация с кучей подразделов. Располагались они в больших помещениях по сотне человек в каждом. Длинные ряды чертежных кульманов, над которыми склонились мудрствующие над чем-то конструкторы, контуры самолетов, тихим шорохом ватманов вставшие в воздухе создавали удивительную атмосферу деловитости и серьезности происходящего. Это напоминало кадры из кинофильмов военной поры, так показывали КБ

(конструкторское бюро) Ильюшина при создании знаменитых штурмовиков Ил-2. Деловито, по обыкновению, я зашел к зам. Главного конструктора, т.к. сам Главный к этому моменту отсутствовал.

Работа этого суперотдела (скажем так) была нам очень близка, так как являлась одной из наших профильных дисциплин и у меня с замом завязалась оживленная беседа. На каком-то этапе нашего разговора мой собеседник сделал акцент на то, что я являюсь выпускником именно Куйбышевского института и начал «наезжать» на нашу кафедру конструкции летательных аппаратов. Должен пояснить, что сами они, и завод в целом, находились под эгидой КБ Яковлева, мы же, не даром основателем нашего института считался С.П.Королев, (не без гордости мы повторяли друг другу слова вражеской радиостанции «Голос Америки», называвшей нас не иначе, как «Ракетный колледж Королева») ориентировали свои симпатии больше к КБ Туполева, Микояна и Сухого. Вообще, на сколько я помню, в ряду ведущих конструкторских бюро страны КБ Яковлева стояло особняком, отношение к нему было не столь теплым и трепетным, как к остальным. Сейчас не могу вспомнить, с чем это было связано. Да... вот, считалось, что, время, проведенное Яковлевым во главе всей авиационной промышленности страны и еще какие-то факторы, привили ему не совсем приятные свойства. Как один из штрихов этих свойств – создавая какое-либо изделие, они (фирма в целом) недостаточно за-

ботились о стоимости своих разработок, т.е. не берегли народную копейку. Все это сидело у меня в памяти, причем не очень глубоко, ведь мы постоянно варились в этой информационной среде. К этому добавилось и виденное мною в цехах. И когда зам., высказав все, что он думает о нашей кафедре, удовлетворенно откинулся в кресле, я спокойным тоном, как само собой разумеющееся, кинул ему в ответ, что не ему судить мой институт и нашу кафедру, они сами занимаются тем, что «надевают (мягко говоря) брюки через голову...». Как это, опешил мой собеседник. «А очень просто, – ответил я, – не имея давних традиций в гражданском самолетостроении, избалованные военными заказами, вы не привыкли считать деньги и создаете слишком дорогие самолеты. Они у Вас сложны по конструкции, не технологичны в производстве и дороги в эксплуатации...». По тому, как мой оппонент вскочил и суетливо стал копаться в шкафах, показывая мне разные графики и эскизы, схемы самолетов и что-то доказывать, я понял, что попал в самое яблочко. И потом, вернувшись после защиты диплома на завод, уже как специалист, за все последующие годы совместной работы и общения, я больше не слышал из его уст критических замечаний в адрес своего института.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.